

В.В.Шадурский, М.В.Степанова

ТЕМА А.С.ПУШКИНА В КРИТИКЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ М.А.АЛДАНОВА

Анализируются ранние публицистические статьи, а также литературная критика Алданова, в которой высказываются мысли в отношении Пушкина, используются образы и цитаты из пушкинских произведений. Обращается внимание на то, как и почему Алданов-критик интересуется различными аспектами творчества и личности Пушкина. Устойчивый интерес к наследию Пушкина объясняется вниманием Алданова к исследованиям, переводам Пушкина на иностранные языки, к художественным текстам, воплощавшим сюжеты и образы Пушкина. Подобный интерес развивал и художественное творчество самого Алданова, воздействовал на формирование вкуса и читательских предпочтений современников-эмигрантов.

Ключевые слова: Пушкин, литературная критика, публицистика М.А.Алданова

Очевидно, что художественная проза Марка Алданова, с ее устремленностью к истории, имеет и большое литературное значение, а сам автор, обращавшийся к творчеству протопопа Аввакума, М.В.Ломоносова, А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, И.С.Тургенева, А.И.Герцена, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, А.П.Чехова, современных поэтов и романистов, даже в художественных текстах проявлял позиции литературного критика. Не случайно и то, что Алданов — не только самый читаемый писатель русской эмиграции первой волны, но и один из видных публицистов, литературных обозревателей, перу которого принадлежат десятки статей, очерков, рецензий в ведущих изданиях русского зарубежья. Вместе с тем такие интересные стороны его деятельности, как литературная критика и публицистика, оказываются малоизученными. Эту лакуну требуется заполнить, ведь по сути Алданов определял предпочтения читателей, а, воздействуя на читательскую аудиторию, влиял на литературный процесс.

С постижением литературных ориентиров Алданова все просто, иначе бы его первая книга не называлась «Толстой и Роллан». Однако гораздо сложнее понять ориентиры литературно-критические и осознать еще один нюанс: почему творчество А.С.Пушкина, вопреки устоявшейся традиции, оказывается не на первом месте среди художественных интересов Алданова?

В данной статье мы не можем остановиться на всех публицистических работах и литературно-критических статьях Алданова, в которых бы выражалось отношение к пушкинским идеям, образам, звучало бы пушкинское слово — как цитата, как интертекст. Попытаемся в хронологической последовательности обозначить различные аспекты рецепции Пушкина в алдановском творчестве, оставив за рамками художественную прозу.

Одиноким упоминаний имени Пушкина в критических статьях Алданова мы не касаемся, перспектив для исследователя в этом мало. Гораздо важнее раскрытие целой пушкинской темы у Алданова, а еще шире — в литературе и критической мысли русской эмиграции, которое будет содействовать более объемному и глубокому пониманию значения личности Пушкина во всей русской культуре.

Естественно, что для писателей-эмигрантов образ А.С.Пушкина оказался символом Родины, которую они покинули. «Имя Пушкина оказалось центром, вокруг которого могла объединиться вся зарубежная Россия, оставив в стороне политические и идейные разногласия» [1]. Людям в изгнании нужен был символ, лозунг, с помощью которого они могли примириться с эмиграцией. «Пушкин фактически стал наиболее популярной и распространенной, разработанной и влиятельной эмигрантской *идеологией*» [2].

Но любой символ имеет разные интерпретации, каково же его толкование у Алданова?

Одна из первых публицистических работ Алданова появилась в 1918 году [3]. Несмотря на политическую заостренность, она содержит много литературного материала, цитат, ассоциаций с русской классической литературой. И если политическое содержание «Армагеддона» уже, наверное, сохраняет интерес только для историка публицистики, литературное содержание, вопреки мнению автора, сетовавшего на перегруженность своих записок цитатами, оказывается более интересным, заслуживающим изучения. В этой книге начинающий писатель рассуждает о войне и октябрьском перевороте, часто вспоминая тех русских авторов, которые писали о волнениях, бунтах, революциях. Так в «Армагеддоне» появляются цитаты из пушкинских текстов.

В первой части книги, композиционно оформленной в виде диалогов Писателя и Химика, звучит фраза, которая, с одной стороны, неожиданно связывает научные наблюдения за чертами национальной психологии с биографией Пушкина, с другой стороны — содержит очевидную неточность: «Ваша химия еще не научилась искусству дозировать человеческую кровь по национальности. Иначе я спросил бы вас, сколько немецкой крови текло, например, в жилах Пушкина, внука Христины фон Шеберг, Герцена, Михайловского — сыновей немков...» [4]. Неточность в том, что алдановский Писатель, вскользь обращаясь к генеалогии Пушкина, словно подзабыл, что Христине фон Шеберг Александр Пушкин приходился правнуком, а не внуком. Интересно, что и в некоторых других своих пассажах тот же Писатель цитирует как бы по изменяющей ему памяти: передавая суть, но путая слова, лишая цитаты точности. Возможно, в этом проявлен умысел самого автора: Писатель слишком эмоционален, а потому не всегда может отличиться остуженной научной безукоризненностью и

педантичностью. Вместе с тем аргументы Писателя, облеченные в метафорическую форму, гораздо эффективнее, чем доводы Химика, потому с такой легкостью опровергается фактор «национального элемента» в российской истории, но потому же подвергается сомнению и провиденциальная функция отдельных наций и их особый социально-политический дар.

Тот же Писатель позднее будет обозначать свое отношение к войне, не давая повода уличить себя в пацифизме: «За долгий век я, слава Богу, сколотил маленький капитал «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» [5]. Заключительные строчки «Посвящения» в «Евгении Онегине» в этом контексте становятся синонимом неизбежного очерствения души современного человека.

Во второй части «Армагеддона», названной «Колесница Джагернатха (Из записной книжки Писателя)», Алданов приводит фразу, отсылая к Пушкину как к автору: «Ленин компрометирует революцию и подготавливает реакцию. Прежде мы могли утешаться формулой, завещанной России Пушкиным: «Чем хуже, тем лучше». Теперь, к несчастью, чем хуже, тем хуже... Русская революция, как дочь родную мать, напоминает русскую войну» [6]. Этот же оборот встречается в письме А.С.Пушкина к П.А.Вяземскому (от 24—25 июня 1824 г.): «Хотелось мне с тобою поговорить о перемене министерства. Что ты об этом думаешь? Я и рад и нет. Давно девиз всякого русского есть чем хуже, тем лучше» [7]. Очевидно, что такое распространенное выражение не могло быть впервые произнесено Пушкиным. Но алдановский персонаж готов видеть автором этих слов именно Пушкина, и теперь уже очевидно читателю: Писатель оказывается начитанным и проявляет эрудицию — познание пушкинского эпистолярия.

В другой части заметки «Колесница Джагернатха» приводится отрывок из повести «Капитанская дочка». Алданов цитирует его в связи с размышлениями о сущности революции и революционеров: «“Состояние всего края, где свирепствовал пожар, было ужасно. Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим и своя шейка копейка и чужая головушка полушка”. Революционеры времен Пушкина, за редкими исключениями, его совершенно не понимали» [8]. Однако отношение к пушкинским словам у алдановского героя отличается от устоявшегося мнения. Персонаж Алданова отмечает гениальность мысли Пушкина в его оценке бунта («Замышлять бессмысленное (т.е., вернее, лежащее вне области «смысла» — М.А.) нельзя. Революция, которую замышляют, невозможна»), но предпочитает позицию декабристов, склоняя голову перед их поступком: «... в числе деятелей русского революционного движения были люди и не молодые, и не жестокосердные; были даже (хоть в очень небольшом числе) люди, знающие наш народ. Но другого пути перед ними не было» [9].

Интерес Алданова к Пушкину начал по-настоящему проявляться в 1920-е годы — не только в прозе художественной, но и в литературно-критической, в публицистике. Интерес этот оказался неизбывным: идеи и образы Пушкина занимают важное место в художественном и литературно-критическом творчестве Алданова до самой смерти. Но как-то сложилось, что этот аспект изучения алдановеды не развили. Отметим, что, наверное, первым обращением к исследованию пушкинской темы у Алданова, является статья В. Сечкарева, хотя написана она была уже очень поздно — в середине 1980-х годов [10].

Так, в некрологическом очерке 1922 года Алданов перечисляет достоинства покойного В.Г.Короленко — как человека, как писателя, называя его «символом гражданской чести и литературного достоинства» и для сравнения упоминает Пушкина. Удивительно, но по такому «алдановскому» критерию, как отсутствие ошибок, проза Короленко превосходит пушкинскую: «Короленко описывал только то, что видел, и потому никогда не попадал впросак, как это случалось с величайшими мастерами слова. Древняя музыка пушкинских стихов: «Ночной зефир струит эфир, шумит, бежит Гвадалквивир» — вызывает невольную улыбку у тех, кто видел своими глазами речонку-лужу, именуемую Гвадалквивиром» [11]. Тот же В.Сечкарев обратил внимание, что «публикации Марка Алданова, которые представляют собой «замечания и суждения о писателях и поэтах <...> иногда разрастаются в маленькие эссе позитивного или полемического характера» [12], а зачастую они воплощают собой отношение эмиграции к наследию А.С.Пушкина.

Но были не только публикации, но и выступления. Так, в 12 июня 1924 года Алданов «выступил с речью на торжественном заседании в Сорбонне, посвященном 125-летию со дня рождения поэта» [13].

Миссия эмиграции была и в том, чтобы, воспользовавшись сложившимися историческими обстоятельствами, донести до западноевропейского читателя духовные, интеллектуальные, эстетические ценности пушкинского творчества. А заодно — охранять читателя от дурных публикаций, от недостойных проекций.

Одним из таких охранительных и в то же время иронических текстов Алданова стали «Неизданные произведения Пушкина (В связи с конгрессом спиритов)». Алдановский текст появился в 1925 году в парижской газете «Дни». Алданов пишет о курьезе современной французской «пушкинианы»: «Очень рад, что могу предложить читателям такую редкость, никому не известные произведения Пушкина. Их, правда, немного: всего два рассказа, - оба небольшие и оба на французском языке. Есть у них еще особенность: они не написаны Пушкиным при жизни, а продиктованы совсем недавно его духом медиуму и со слов этого медиума точно воспроизведены спиритом Шарлем Дорино» [14]. Алданов предлагает читателю ознакомиться с одним из рассказов Пушкина на французском языке. Рассказ представляет собой набор возмутительных клише, который Пушкин никогда бы не создал. Напротив, после таких публикаций настоящий Пушкин отдалается, он оказывается недоступен иностранному читателю. Действие рассказа происходит в Сибири, а главным

действующим лицом является «бедный, забытый крестьянин Арсантье Владимиров, жертва самодержавного режима». У Владимирова есть жена Маша, но крестьянин, будучи рекрутом, должен быть отправлен в солдаты. И вот он «вместе с тысячами других несчастных, лежит, распростершись перед иконой, в вокзальной часовне», затем «с обычным русским смирением встает и садится в вагон, который увозит его на смерть» [15]. Заботясь о чистоте образа Пушкина, Алданов сатирически изображает Дорино, предпочитающего в оценке России придерживаться созданных кем-то мифов. При таком мифотворчестве Пушкин, конечно, не может быть в полной мере принят французским читателем. Но смех здесь горький: не по себе становится от такого рода вольностей в отношении русского гения.

Тремя годами ранее в рецензии на перевод стихов А.Блока Алданов восхищается талантом переводчика Вольфганга Грегера, который смог передать ритм и размер оригинала, сохранив самобытность творчества Блока. С затаенной надеждой Алданов напишет: «Поистине Вольфганг Грегер — клад для русской литературы. Остается только пожелать, чтобы он перевел Лермонтова и Пушкина так, как он перевел Блока» [16]. Но такого перевода, наверное, придется еще ждать долго.

Алданов пристально следит и за научными публикациями, за работами тех, кого ныне называют пушкинистами, а во время Алданова «пушкинианцами».

В 1932 году в журнале «Современные записки» выходит отзыв Алданова на биографию Пушкина, «славянского Байрона». В рецензии Алданов выражает сожаление, что уникальность творчества Александра Сергеевича не может быть передана в переводе. Алданов отмечает, что автор книги справился с поставленной задачей (написанием биографии Пушкина), но прояснить творчество великого поэта для западного читателя не мог: «Разбитый согласно оригиналу на строчки французский прозаический перевод не даст никакого понятия о пушкинских стихах и производит истинно-тягостное впечатление. Мы невольно себе представляем недоумение иностранного читателя» [17]. Мечта Алданова — адекватное понимание личности Пушкина и его творчества, без искажения европейскими переводами и интерпретациями. Вместе с тем Алданов не принижает заслуг исследователя в изучении Пушкина, замечая, что личность поэта — одна из самых «сложных, когда-либо существовавших на земле» [18]. Рецензент отмечает и тот факт, что глава об истории «пушкинианства» в России совершенно бесполезна и непонятна европейскому читателю. Зато русским читателям, по мнению критика, она очень пригодится.

Эмигранты действительно верили в то, что Дни русской культуры, отмечаемые в день рождения Пушкина по всему миру, — не только проявление духовной потребности, но и праздник обретения русскими беженцами себя, утверждение идентичности, о которой должно стать известно всем — от Америки до Китая. И это становилось очевидным как Западу, так и Востоку: «Европа еще не знает как следует Пушкина, но она уже поверила в то, что в России был и есть свой гений, достойный занять место рядом с другими великими мировыми гениями» [19], — напишет в январе 1937 года член Центрального Пушкинского комитета С.Лифарь.

В 1935 году для подготовки встречи 100-летия смерти поэта был создан Парижский Пушкинский комитет под председательством В.А. Маклакова. В состав комитета вошли лучшие писатели Зарубежной России, среди которых был и Марк Алданов, принявший самое деятельное участие в организации праздника. Эмигранты, при всей своей раздробленности и скандальности, были готовы верить, что в «комитет вошли представители всех эмигрантских течений. Имя Пушкина объединило всех» [20]. В 1937 году в честь праздника были организованы выставки, в театрах прошли спектакли на пушкинские сюжеты. Пушкинский комитет выпустил специальную газету, посвященную памяти поэта, все издания, имевшие литературные разделы, подготовили юбилейные материалы. «Лейтмотивом всех статей стала формула П.Н. Милюкова «живой Пушкин». Поэт рассматривался не в качестве далекого события или формального символа, а как реальная опора для сегодняшнего существования эмиграции в целом и каждого изгнанника в отдельности» [21]. Естественно, Советская Россия тоже отмечала юбилей, публикуя множество материалов о Пушкине, проводя серьезные исследования, основанные на рукописях, архивных фондах, и хотя в Зарубежной России не было всего этого, эмигранты искренне хотели выразить свою любовь к поэту, и благодаря их заботе и рассеянности по всему свету чувство всеобщего единения выводило праздник Пушкина на мировой уровень.

Можно было ожидать, что в газетах, журналах и альманахах зарубежья будут преобладать жизнеутверждающие материалы, посвященные исключительно Пушкину. Да так оно и было. Но Алданов подготовил публикации несколько иного характера.

Его очерк, напечатанный 10 февраля в парижских «Последних новостях», посвящен не Пушкину, а его убийце, точнее, жизни Дантеса после убийства поэта. Во «Французской карьере Дантеса» Алданов раскрывает образ известного карьериста, искателя судьбы, но то и дело упоминает другое, главное имя, благодаря которому мы вынуждены помнить о Дантесе, — имя Пушкина. Цитируя некрологи из французских газет за 1895 год, в которых сообщалось, что скончавшийся барон д'Антес-Геккерен «шестьдесят лет тому назад убил на дуэли знаменитого русского поэта Пушкина», Алданов пишет: «К моему удивлению, даже столь осведомленная газета, как «Тан», напомнив в некрологе обстоятельства убийства Пушкина, почти ничего не сказала о роли, сыгранной Дантесом во французской истории» [22]. Алданов, собиравший материалы о биографии Дантеса для своей повести «Десятая симфония», столкнулся с проблемой: таковых оказалось очень мало. Это тем более странно, если пытаться демонизировать Дантеса в той роковой дуэли. Жизнь Дантеса после отъезда из Петербурга была неразрывно связана с дуэлью, которая оставила заметный отпечаток на его имени. Каким бы он ни был достойным человеком, Дантес неоднократно называется «убийцей Пушкина». Слава,

пускай даже не добрая, досталась Дантесу именно из-за убийства великого русского поэта. Пожалуй, это оказалось единственным поступком в его жизни, который попал в мировую историю. Его военная и политическая карьера не задалась: «Он поехал в Россию, чтобы сделать там блестящую военную карьеру, — и выехал разжалованный, потеряв несколько лет, в обстоятельствах, всем известных. Во Франции он пытался сделать большую политическую карьеру, но люди, с которыми он связывался, уходили в небытие раньше, чем он рассчитывал» [23].

Размышляя о последующей жизни полуфранцуза-полунемца, усыновленного голландским дипломатом, бывшего русского кавалергарда, автор очерка старается избегать сложившихся стереотипов: «Будем справедливы: если бы Дантес после ужасного письма Пушкина не послал ему вызова, его немедленно выгнали бы из кавалергардского полка, и он был бы опозоренным человеком», и все же он отмечает в убийце поэта гиперболизированный эгоизм: «Через полстолетия после дуэли известный пушкинист-коллекционер А.Ф. Онегин, посетив Дантеса, спросил его: “Но как же у вас поднялась рука на такого человека?!”. Дантес ответил не то с недоумением, не то с негодованием: “Как? А я? Я стал сенатором!”. Этот рассказ я слышал от самого А.Ф.Онегина. В словах убийцы Пушкина был, конечно, и оттенок мрачной нелепости. Но, по существу, что можно было ему возразить? Дантес 27 января 1837 года защищал свою жизнь» [24]. Цена утраты великого русского была соотнесена с ценой гибели перспективного политического деятеля Франции и очевидно, что даже в старости Дантеса не покидало большое самомнение. Но и при постижении роли Дантеса в «страшном петербургском деле» Алданов пытается быть объективным: обвиняя его в смерти Пушкина, пытается понять причины.

К юбилею со дня гибели Пушкина Алданов, как член Центрального Пушкинского Комитета в однодневной газете «Пушкин», издание которой приурочено к празднику, в феврале 1937 года публикует и другую статью, теперь уже литературного содержания, — «О “Памятнике”». Алданов анализирует знаменитое стихотворение Пушкина, отмечая, что оно противоречивое, с несвойственным ему тоном и стилем. Стопоставляя первоначальный вариант стихотворения с окончательным, Алданов отмечает скромную ошибку Пушкина, допустившего в стихах ранней версии свою мировоззренческую и поведенческую близость Радищеву: «Радищев был большой человек, но «вслед Радищеву» — это для Пушкина, пожалуй, мелко» [25]. По мнению Алданова, в позднем варианте «Памятника» поэт дает больше поводов для насмешек, более того, употребив эпитет «добрые» к существительному «чувства», Пушкин оставляет некоторую неясность, «несоответствие духу многих его строк» [26]. Следуя алдановской логике новые слова можно объяснить острым желанием сказать резкую правду и необходимостью сдерживать себя. Если вариант без «чувств добрых» был сильнее и правдивей («Что звуки новые для песен я обрел»), то последний вариант оказывается своеобразным итогом пушкинской диалектики. Удивительно, что в этой статье Алданов изменяет присущей ему иронической афористичности и высказывает пафосные, почти лозунговые слова: «Вся русская литература — от Пушкина. Не умаляя заслуг его предшественников, можно сказать, что он создал все» [27]. Но что совершенно естественно то, что сразу после имени Пушкина, создавшего литературу, Алданов приводит имя человека, поддерживающего бессмертие Пушкина — автора «Войны и мира».

В 1939 году Алданов пишет очерк о В.Ходасевиче, в котором целую страницу отводит рассказу о том, что эмиграция ожидала книгу Владислава Фелициановича о Пушкине или хотя бы рассказ, — слишком многое угадывалось близкое, родное, объединяющее двух писателей: «В прозе он, частью сознательно, частью, быть может, бессознательно, следовал пушкинской традиции много строже, чем в поэзии» [28]. Ходасевич, по мнению Алданова, впитал изысканный пушкинский стиль и, вполне возможно, использовал его как основу своего творчества.

Итак, в результате не самого глубокого изучения пушкинской темы в ранней публицистике и литературной критике Алданова обнаруживается следующее. Полноценного образа поэта, какой-то концепции видения Пушкина Алданов не создает. Не проявлена и методология Алданова-критика. Мы видим не системные обзоры, а спорадические публикации, появление которых объясняется разными интересами критика. И все же Пушкин изображается иначе, по сравнению с тем, каким его видят другие современники Алданова. Алданов не мифологизирует личность и творчество Пушкина, в его словах нет бесконечного восхищения. Пушкин для Алданова не является лучшим писателем в русской литературе просто потому, что таковым оказывается Л.Н.Толстой. Алданов-критик не боится указать на промахи Пушкина в тех или иных вещах, и потому автор «Капитанской дочки» не становится примером в создании литературных произведений, но его гений, труд, личность, масштаб жизни — заслуживают глубочайшего уважения. При всех указаниях на неточности и даже ошибки мы видим трезвую оценку личности и творчества, сочетающуюся с почтительным отношением к поэту.

Лирика Пушкина подвигла Алданова на то, чем он не занимался в отзывах и критических статьях о других писателях: Алданов, который мало отзывался о творчестве лириков, смог провести анализ пушкинского стихотворения, причем на высоком филологическом уровне.

В статье под названием «Сто лет русской художественной прозы», издание которой было намечено на 1943 год, Алданов рассуждал об отечественной литературе: «Говорят, что русская литература «печальна». Может быть. Но Пушкин был одним из наиболее жизнерадостных людей, когда-либо посетивших землю» [29]. Алданов, будучи скептиком, не обладал жизнерадостностью Пушкина, — возможно, это единственное положительное качество, которого не было у автора «Повести о смерти». Здесь же он пишет о самом дорогом,

что для него есть в творчестве создателя «Евгения Онегина»: «Повести Пушкина хороши, и «Пиковая Дама» <...> замечательное произведение по колориту, по мастерству рассказа, по замыслу главного действующего лица» [30]. Алданов, как и в рецензии на биографию Пушкина для французского читателя, огорчен, что «главное и бессмертное в Пушкине — его стихи — никому, кроме русских, не доступно» [31]. Но восхищение Пушкиным у Алданова не слепое, он знает, за что ценит поэта. Имя Пушкина — первое в ряду тех, кем может гордиться Россия: «В пору правления исторических деспотов жили и творили величайшие писатели <...> Пушкин, Лермонтов, Гоголь — при Николае I» [32]. Пушкин так же, как и Герцен, Толстой, — художник звучного общественного слова, художник, пытавшийся отстоять свободу, вольномыслие и ранее других за это пострадавший.

Выбор пушкинских текстов, критический подход к ним отличаются у Алданова от реакции современников [33], а значит — тяготение к наследию Пушкина у него было не только своеобразным, устойчивым, но и разноплановым. Благодаря внимательному чтению пушкинских произведений Алданов обогащал свое творчество и помогал читателю становиться разумнее и умнее. Сеем предположить, что созидательный, конструктивный, характер критики Алданова в отношении пушкинского творчества, внимание к личности великого поэта, к его судьбе в значительной степени сказались на художественном творчестве самого Алданова, на уровне его культуры, а следовательно, создатель «Пуншевой водки» и «Повести о смерти» никоим образом не может быть отнесен к авторам массовой литературы; более того, его деятельность — как художественная, так и литературно-критическая — доказательство серьезности намерений в литературе, осознания собственного места в литературном процессе.

1. Березовая Л.Г. Культура русской эмиграции 20-30-е гг. [Электр. ресурс]. URL: <http://ricolor.org/europe/stati/ruev/4/> (Дата обращения: 01.04.15).
2. Филин М. От составителя // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935—1937). М.: Эллис Лак, 2000. Вып. I. С. 8.
3. Алданов М.А. Армагеддон // Алданов М.А. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников / Сост. Т.Ф.Прокопов. М.: НПК «Интелвак», 2006. С.5-112.
4. Там же. С. 26.
5. Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977—1979. Т. 5. С. 7.
6. Алданов М.А. Указ. соч. С. 57.
7. А.С. Пушкин — П.А.Вяземскому. Из Одессы в Москву. 24—25 июня 1824 г. Указ. соч. С. 75.
8. Алданов М.А. Указ. соч. С.93-94.
9. Там же. С. 94.
10. Сечкарев В.М. Пушкин и Гоголь в произведениях Алданова // Отклики: Сборник ст. памяти Николая Ивановича Ульянова (1904—1985) / Ред. В.М.Сечкарев. Нью-Хэвен, 1986. С. 170-185.
11. Алданов М.А. Короленко // Современные записки. Париж, 1922. Кн. 9. С. 53. Здесь и далее цитаты из журнала «Современные записки» возможны благодаря его публикации на сайте <http://emigrantika.ru>.
12. Сечкарев В. Пушкин и Гоголь в произведениях Алданова // Отклики: Сборник ст. памяти Николая Ивановича Ульянова (1904—1985) / Ред. В. Сечкарев. Нью-Хэвен, 1986. С. 170.
13. Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920—1940. Франция / Под общ. ред. Л.А.Мнухина: В 4 т. М.: Эксмо; Paris: YMCA-Press; 1995—1997. Т. 1. С. 141.
14. Алданов М.А. Неизданные произведения Пушкина (В связи с конгрессом спиритов) // Алданов М.А. Соч. в 6 кн. М.: Новости, 1995. Кн. 2: Очерки. С. 30.
15. Там же. С. 33.
16. Алданов М.А. [Рецензия на: Alexander Block. Die Zwolf. Перевод Вольфганга Грегера, с иллюстрациями В.Н. Масютина. Берлин, изд-во «Нева»] // Современные записки. Париж, 1922. Кн. 12. С. 361.
17. Алданов М.А. [Рец. на кн.: M.Hofmann. Pouchkine. Traduction de Nicolas Pouchkine. Paris, “Payot”, 1931] // Современные записки. Париж, 1932. Кн. 48. С. 478.
18. Там же. С. 478.
19. Лифарь С. Третий праздник Пушкина // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935—1937). М.: Эллис Лак, 2000. Вып. II. С. 67.
20. Филин М. От составителя // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935—1937). М.: Эллис Лак, 2000. Вып. I. С. 19.
21. Березовая Л.Г. Культура русской эмиграции 20—30-е гг. [Электр. ресурс]. URL: <http://ricolor.org/europe/stati/ruev/4/> (Дата обращения: 01.04.15).
22. Алданов М.А. Французская карьера Дантеса // Алданов М.А. Соч. в 6 кн. М., 1995. Кн. 2. С. 332.
23. Там же. С. 337-338.
24. Там же. С. 333.
25. Алданов М. О «Памятнике» // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935—1937). М.: Эллис Лак, 2000. Вып. I. С. 221.
26. Там же. С. 222.
27. Там же. С. 222.
28. Алданов М. В.Ф.Ходасевич // Алданов М.А. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников / Сост. Т.Ф.Прокопов. М.: НПК «Интелвак», 2006. С. 441.
29. Алданов М. Введение в антологию «Сто лет русской художественной прозы» // Октябрь. 1996. № 12. С. 165.
30. Там же. С. 169.
31. Там же. С. 169.
32. Там же. С. 170.
33. См. информацию о многочисленных публикациях эмигрантов в кн: Филин М.Д. Зарубежная Россия и Пушкин. Опыт изучения. Материалы для библиографии (1918—1940). Иконография. М.: Дом-Музей Марины Цветаевой, 2004. 432 с.

References

1. Berezovaya L.G. Kul'tura russkoy emigratsii 20-30-e gg. [Elektr. resurs]. URL: <http://ricolor.org/europe/stati/ruev/4/> (Data obrashcheniya: 01.04.15).
2. Filin M. Ot sostavitelya // Tsentral'nyy Pushkinskiy Komitet v Parizhe (1935—1937). M.: Ellis Lak, 2000. Vyp. I. S. 8.
3. Aldanov M.A. Armageddon // Aldanov M.A. Armageddon. Zapisnye knizhki. Vospominaniya. Portrety sovremennikov / Sost. T.F.Prokopov. M.: NPK «Intelvak», 2006. S.5-112.
4. Tam zhe. S. 26.
5. Pushkin A.S. Evgeniy Onegin: Roman v stikhakh // Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochineniy: V 10 t. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1977—1979. T. 5. S. 7.
6. Aldanov M.A. Ukaz. soch. S. 57.
7. A.S. Pushkin — P.A.Vyazemskomu. Iz Odessy v Moskvu. 24—25 iyunya 1824 g. Ukaz. soch. S. 75.
8. Aldanov M.A. Ukaz. soch. S.93-94.
9. Tam zhe. S. 94.
10. Sechkarev V.M. Pushkin i Gogol' v proizvedeniyakh Aldanova // Otkliki: Sbornik st. pamyati Nikolaya Ivanovicha Ul'yanova (1904—1985) / Red. V.M.Sechkarev. N'yu-Kheven, 1986. S. 170-185.
11. Aldanov M.A. Korolenko // Sovremennye zapiski. Parizh, 1922. Kn. 9. С. 53. Zdes' i dalee tsitaty iz zhurnala «Sovremennye zapiski» vozmozhny blagodarya ego publikatsii na sayte <http://emigrantika.ru>.
12. Sechkarev V. Pushkin i Gogol' v proizvedeniyakh Aldanova // Otkliki: Sbornik st. pamyati Nikolaya Ivanovicha Ul'yanova (1904—1985) / Red. V. Sechkarev. N'yu-Kheven, 1986. S. 170.
13. Russkoe Zarubezh'e: Khronika nauchnoy, kul'turnoy i obshchestvennoy zhizni. 1920—1940. Frantsiya / Pod obshch. red. L.A.Mnukhina: V 4 t. M.: Eksmo; Paris: YMCA-Press; 1995—1997. T. 1. S. 141.
14. Aldanov M.A. Neizdannyye proizvedeniya Pushkina (V svyazi s kongressom spiritov) // Aldanov M.A. Soch. v 6 kn. M.: Novosti, 1995. Kn. 2: Ocherki. S. 30.
15. Tam zhe. S. 33.
16. Aldanov M.A. [Retsenziya na: Alexander Block. Die Zwolf. Pervod Vol'fganga Gregera, s illyustratsiyami V.N. Masyutina. Berlin, izdvo «Neva»] // Sovremennye zapiski. Parizh, 1922. Kn. 12. S. 361.
17. Aldanov M.A. [Rets. na kn.: M.Hofmann. Pouchkine. Traduction de Nicolas Pouchkine. Paris, “Payot”, 1931] // Sovremennye zapiski. Parizh, 1932. Kn. 48. S. 478.
18. Tam zhe. S. 478.
19. Lifar' S. Tretiy prazdnik Pushkina // Tsentral'nyy Pushkinskiy Komitet v Parizhe (1935—1937). M.: Ellis Lak, 2000. Vyp. II. S. 67.
20. Filin M. Ot sostavitelya // Tsentral'nyy Pushkinskiy Komitet v Parizhe (1935—1937). M.: Ellis Lak, 2000. Vyp. I. S. 19.
21. Berezovaya L.G. Kul'tura russkoy emigratsii 20—30-e gg. [Elektr. resurs]. URL: <http://ricolor.org/europe/stati/ruev/4/> (Data obrashcheniya: 01.04.15).
22. Aldanov M.A. Frantsuzskaya kar'era Dantesa // Aldanov M.A. Soch. v 6 kn. M., 1995. Kn. 2. S. 332.
23. Tam zhe. S. 337-338.
24. Tam zhe. S. 333.
25. Aldanov M. O «Pamyatnike» // Tsentral'nyy Pushkinskiy Komitet v Parizhe (1935—1937). M.: Ellis Lak, 2000. Vyp. I. S. 221.
26. Tam zhe. S. 222.
27. Tam zhe. S. 222.
28. Aldanov M. V.F.Khodasevich // Aldanov M.A. Armageddon. Zapisnye knizhki. Vospominaniya. Portrety sovremennikov / Sost. T.F.Prokopov. M.: NPK «Intelvak», 2006. S. 441.
29. Aldanov M. Vvedenie v antologiyu «Sto let russkoy khudozhestvennoy prozy» // Oktyabr'. 1996. № 12. S. 165.
30. Tam zhe. S. 169.
31. Tam zhe. S. 169.
32. Tam zhe. S. 170.
33. Sm. informatsiyu o mnogochislennykh publikatsiyakh emigrantov v kn: Filin M.D. Zarubezhnaya Rossiya i Pushkin. Opyt izucheniya. Materialy dlya bibliografii (1918—1940). Ikonografiya. M.: Dom-Muzey Mariny Tsvetaevoy, 2004. 432 s.

Shadurskiy V.V., Stepanova M.V. Pushkin in the journalistic articles and the literary criticism of Mark Aldanov. Citing images and quotations from the works of Alexander Pushkin, this paper treats early journalistic articles and literary criticism of Mark Aldanov on the subject of Pushkin. Of special interest is why and how Aldanov the critic relates to various aspects of the creative works and personality of Pushkin. Always keenly interested in Pushkin's heritage, Aldanov was well versed in research on Pushkin, in translations of Pushkin's works into foreign languages; he made in-depth studies into the creative imagery and themes of Pushkin's art. Aldanov's own works, which manifest interests similar to those of Pushkin, were influential in forming the taste and literary preferences of the émigré community in Aldanov's time.

Keywords: Pushkin, literary criticism and journalistic articles of M.A.Aldanov

Сведения об авторах. В.В.Шадурский — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы; НовГУ им. Ярослава Мудрого; shadvlad@mail.ru.

М.В.Степанова — аспирант кафедры русской и зарубежной литературы; НовГУ им. Ярослава Мудрого.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.05.2015.